

Родился в Ленинграде и всю жизнь прожил на окраинах города — сначала в Сосновой поляне, а потом в Рыбацком. После восьми классов школы закончил техникум. Служил в армии, работал на стройке. Рисовал, писал прозу. Увлекался восточной философией. В феврале 1995 года вышел сборник стихов «Наброски равновесия». Летом 1995 года утонул под Москвой. Посмертно стихи опубликованы в журнале «Волга», № 1–2, 2013 (подготовка текста и публикация Владимира Орлова) и на портале «Сетевая Словесность» (полное собрание стихотворений).

АКРОБАТ БЕЗ ШЕСТА

* * *

Жизнь становится проста —
Легче и больней,
Акробату без шеста
Легче и вольней.

Птица с каменных деревьев
В воздух входит вброд,
Остаётся, умерев,
Жить наоборот.

* * *

Мне хочется выплыть, как камню, на берег,
Или, как горбатой горе, разогнуться.
Вверху над египетским цирком империй
Натянут канат и нет места сомкнуться.

Излишек бесплатного воздуха слева и справа
Ненадежной, вернее каната,
И там на песке отражается тенью корявой
Слепой силуэт, приглашая к себе акробата.

* * *

Я лишаюсь ног перед тем, как — в путь,
Я лишаюсь рук перед тем, как плыть,
Если хочешь жить — обо всём забудь,
Обо всем забудь — если хочешь жить.
Ты как камень гол, ты как воздух пуст,
Ты стоишь в себе, ты готов лететь,
Если хочешь петь — не отверзни уст,
Не отверзни уст, если хочешь петь.

* * *

До свиданья. Радоваться поздно.
Мы простимся на мосту подводном.
Может быть, над нами светят звёзды,
Фонари и что тебе угодно.

Уходи, шатаясь аккуратно,
Скукой ум не перенапрягая.

Я верну себя тебе обратно,
Если тьма и смерть не помогают.

Всё прозрачно — ничего не видно,
Всё возможно — ничего не будет,
Обижают — даже не обидно,
Залпом из разряженных орудий.

Словно шар накачивают газом,
Эта тяжесть не имеет веса.
Позади нацеленного глаза
Видно край нехоженого леса.

* * *

Бездельник выходит с работы,
В руках его сумка, а в ней
Немного тяжёлых камней
И ложка ещё для чего-то.

Бездельник садится в троллейбус
И видит далёкий плакат —
Там голая белая дева
И надпись на трёх языках.

Бездельник глаза закрывает,
И музыка сразу звучит,
И дева во сне, как живая,
Ему подаёт кирпичи.

И дева другая лопатой
Готовый раствор подаёт,
А третья считает зарплату
И грустную песню поёт.

* * *

Всё тише и тише,
И я уж не слышу, а брежу,
И нежные руки
Об острую музыку режу.

Ненужная пыль
Закружилась, и, кажется, нет
Того, кто спросил
И того, кто услышал ответ.

И лишь в глубине
Как звезда из колодца,
Невидимый мне
То поёт, то смеётся.

* * *

Закатился камушек в дальний уголок,
А у нас, голубушка, нет ни рук, ни ног.
Ах, у нас, родимая, нет и уголка,
А про этот камушек я солгал слегка.

СТАРУХА

Проходит мир, потом война,
И в ожиданье винограда
Старуха смотрит из окна,
Как наблюдатель из засады.

Когда созреет виноград,
А может быть, и не созреет,

Старуха голову побреет
И постепенно выйдет в сад.

И сразу трепетную мякоть
Сухими пальцами сожмёт,
И сок кровавый потечёт, —
Тогда старуха станет плакать,

И тут появится старик,
Как продолжение разговора,
Одетый в шапку и парик,
Похожий на живого вора.

Старик к старухе подбежит,
Под ветром шапку обнажая,
А та старуха уж лежит,
Старуха не соображает.

И только кровь из головы
Стекает, спутываясь с соком,
И убегает в грязь кривым
Пересыхающим потоком.

* * *

В пустом пространстве ты станешь напрасным шагом,
Широким звуком, кольцом, колесом с обрыва,
Напрасно ты говоришь, закрывая лицо бумагой, —
Твое дыханье в руках у тебя, как рыба.

Поодаль кто-то глядит на тебя с усмешкой,
Понятной, как подтвержденье, похожей на опасенье.
И если твоя монета упала на землю решкой,
Орел пролетает сверху, ее закрывая тенью.

* * *

Я потратил всю жизнь на шуршание, шелест и шорох,
Ухватившись за вьющийся шнур боязливой рукой.
Громоздясь на себя в продолженьях и жадных повторах,
Я лежу на земле и желал бы увидеть покой.

Сколько было угля сожжено ради чёрного дыма.
Дым глаза разъедал и вползал червяком в небеса.
Я желал бы не зреть повторенья того, что всегда повторимо,
И вчерашнюю боль, как синяк, до утра не чесать.

Ведь остался в живых лишь солдат, притворившийся мёртвым.
Он поднялся с земли и не мог ничего говорить.
Я желал бы увидеть все, что тут написано, стёртым,
И от царских гонцов поскорей ворота затворить.

* * *

То, что меня гнетёт, меня не гнёт, но гонит.
Ещё дрожит тугая тетива,
А мёртвая стрела в каком-то море тонет,
Где море спит, и не должно вставать.

Как муха полуумная над спящим,
Над морем стынет каменный закат,
И рыба со стрелой в губах неговорящих
Плывёт вперёд, пытаюсь плыть назад.

* * *

Как-то мама мыла раму,
Маша мыла руки мылом.
Что потом случилось тама —
Память глупая забыла.

Запустила ль мылом Маша
Мимо мамы, да в стекло,
Только помню, было страшно,
Крови много утекло.